

ГЛАВА ПЕРВАЯ

— Зубы дракона, — сказал однажды Ульвхедин. — Люди Льда как зубы дракона.

Ему вспомнился легендарный греческий герой, убивший дракона и засеявший поле его зубами, из которых выросла армия свирепых солдат.

Люди Льда расслабились, решив, что проклятие ушло, что оно снято. Решили, что причиной тому стало удивительное паломничество Ширы, во время которого она нашла источник живой воды. И действительно, в следующем поколении никто не был проклят — Элизабет, Сёльве, Ингела и Арв родились совершенно обычными и очень милыми детьми.

И только Ульвхедин считал, что не все так просто.

Он думал, что Шира лишь заложила основу для снятия проклятия. Нашла источник живой воды, которая может нейтрализовать действие мертвой, кувшин с которой закопал Тенгель Злой. Но Людям Льда пока не удалось найти место, где спрятан этот кувшин, а сделать это

нужно до того, как их злобный прапращур восстанет ото сна.

Это мучило Ульвхедина, но остальные не воспринимали его слова всерьез, потому что так им было спокойнее.

Ульвхедин же точно знал, что зубы дракона уже проросли.

Все позабыли историю внука Тенгеля Доброго по имени Тронд. Один из сыновей Аре выглядел обычным мальчиком, да и сам поначалу ничего не подозревал. Но Тенгель Добрый, его дед, время от времени замечал желтый блеск в глазах Тронда, видел, что проклятие Людей Льда таится глубоко в душе мальчика.

Оказавшись на войне, Тронд почувствовал тягу к кровопролитию и в итоге плохо кончил.

Похожее перерождение произошло еще раз, много позже, и на этот раз судьба проклятого сложилась совсем иначе. В обоих случаях близкие совершенно не подозревали, что прячется за их обычной и даже приятной внешностью.

У Даниэля родились Сёльве и Ингела — темноволосые, с ярким цветом лица и глубокими карими глазами. Это были сообразительные, веселые и общительные дети, и их бабушка Ингрид по праву гордилась внуками.

С раннего возраста они слышали о Людях Льда и их проклятии. Но эти истории их не слишком интересовали. Они жили по соседству с поместьем Шенас в шведском Вингокере,

куда Йоран Оксеншерна переехал на старости лет. Жили они мирной, идиллической жизнью в уединении, к которому стремились их родители.

Давний покровитель Линдов, Йоран Оксеншерна, вместе с Даном и Даниэлем участвовал в битве при Вильманстранде в Финляндии и был там ранен. Позже он женился на дочери члена Государственного совета, графине Саре Гилленборг, которая была моложе его на двадцать семь лет, и дожил до глубокой старости. У него родилось четверо сыновей, двое из которых сыграли важную роль в жизни Сёльве и Ингелы, детей Даниэля Линда из Людей Льда. Один из них — Аксель Фредерик, но, когда началась история, которую вы сейчас читаете, он был слишком мал, чтобы как-то повлиять на происходящее. А вот его старший брат, Юхан Габриэль, уже в раннем возрасте проявлял исключительные таланты.

Юхан Габриэль Оксеншерна, известный всем, кто когда-либо интересовался шведской литературой, уродился мечтателем, необычайно чувствительным и одаренным. С детства он писал короткие романтические стихи, которые иногда читал вслух друзьям детства, Сёльве и Ингеле, но чаще держал при себе.

Он также вел дневник, в котором делал записи в том же романтическом духе, и вскоре центральной темой его сочинений стало поклоне-

ние некоей прекрасной Темире. На самом деле за таинственным псевдонимом скрывалась экономка Шенаса Анна Кинваль. Юхану Габриэлю в ту пору было пятнадцать лет, а ей — двадцать три. Его дневник и стихи были полны радостной любви и чистого блаженства. В тайну был посвящен только Сёльве, бывший на год старше друга.

Ингела, которая была на два года моложе Юхана Габриэля, очень расстроилась, узнав о его любви к некоей божественной Темире, потому что сама была немного влюблена в него. Но Ингела не собиралась никому об этом сообщать! Она была очень гордой девушкой и не мечтала выйти замуж за Юхана Габриэля Оксеншерну, потому что не была ему ровней. Чувства стали горько-сладкой любовью на расстоянии, и Ингела даже не догадывалась, насколько увлечение Юхана Габриэля божественной незнакомкой было абстрактным и платоническим.

Сёльве был совершенно другим. Беззаботный и откровенный, он легко заводил друзей, несмотря на прямолинейность характера. Однако глубоко внутри него таились совсем другие свойства.

Ему было двенадцать, когда он впервые почувствовал это...

Праздновали одиннадцатый день рождения Юхана Габриэля, и они с Ингелой были при-

глашены. Там собрались и дети, и молодежь, и взрослые, и пожилые — гостей было много.

В тот день Сёльве впервые увидел коллекцию оружия Йорана Оксеншерны. Среди прочего там был пистолет с серебряными накладками, который его просто очаровал.

— Я так хочу его, я бы умер, чтобы обладать им, — вздохнул он, и остальные улыбнулись за пальчивости двенадцатилетнего подростка.

Остаток вечера он с тоской думал о пистолете. Он приснился ему. А на следующее утро Сёльве к своему великому удивлению обнаружил этот самый пистолет на столе спальни.

Он знал, что не получал его в подарок, ведь это оружие было дорого Йорану Оксеншерне. С ним было связано слишком много воспоминаний.

Щеки Сёльве вспыхнули. Как? Каким образом пистолет попал к нему в комнату? Ответа не было.

Окно спальни было открыто, но кто бы стал продираться сквозь заросли крапивы, чтобы положить заветное сокровище на стол? Зачем? Да и следов не видно.

Сёльве был честным человеком, по крайней мере тогда. Поэтому решительно схватил пистолет и побежал с ним в Шенас.

Он знал, что незаметно положить его на место не получится: никому не разрешалось просто так входить в оружейную. И он, дрожа от

страха, попросил разрешения поговорить с генерал-майором Йораном Оксеншерной, отцом Юхана Габриэля.

Его пустили. Взволнованный, он рассказал, что обнаружил пистолет на прикроватном столике, и настаивал, что накануне вечером его там не было.

— Ничего не понимаю, — озадаченно сказал старик Оксеншерна. — Никто не заходил с того момента, как я убрал пистолет в футляр. Окно, конечно, открыто, но это второй этаж!

— Я тоже не понимаю, — сказал Сёльве. — Кто мог забраться в мою комнату посреди ночи? Но вот ваш пистолет. Пожалуйста, заберите его — и поверьте, я его не брал! Я не вор.

— Я знаю, Сёльве. Должно быть, кто-то захотел подшутить над тобой. Или чтобы тебя обвинили в воровстве. Я выясню, кто и зачем сделал это.

Но объяснения случившемуся так и не нашли.

Лишь спустя четыре года, когда увлечение Юхана Габриэля экономкой Анной Кинваль достигло апогея, Сёльве наконец понял, что на самом деле произошло.

Вдохновленный историей любви Юхана Габриэля, Сёльве и сам увлекся одной из служанок в Шенасе. Это была уже почти взрослая крепкая женщина по имени Стина, не отличавшаяся особой девичьей красотой. Но неопыт-

ному подростку Сёльве снились по ночам запретные, волнующие сны о ней.

Однажды он видел, как она стирает белье у моста, подоткнув юбку. Пышные бедра Стины были такими белыми, что, казалось, светились изнутри. В ту ночь Сёльве пережил особенно бурные фантазии. Он представил себе капли воды, поблескивающие на фарфорово-белой коже, представил, что гладит ее. Руки стремились не вниз, к коленям, а вверх, к неведомым, тайным местам.

— Стина, — прошептал он, — Стина, иди ко мне! Я так хочу тебя!

Немного погодя скрипнула дверь, и кто-то вошел.

Сёльве удивленно приподнялся. Это была Стина.

Она неуверенно улыбнулась и дрожащими пальцами начала снимать фартук.

Сёльве, который только что видел ее во сне, вздрогнул и пришел в себя.

— Что-то подсказало мне, что молодой хозяин очень хочет, чтобы я пришла, — сказала она, застенчиво хихикая.

— Да, я очень хотел, но как ты узнала? — радостно спросил он. — Как?

Но думать в тот момент он не мог. Кровь отлила от головы, Сёльве чувствовал лишь непреодолимое вожделение вперемешку с робостью. Тело вибрировало, но он все же чувствовал

себя скованно. Девушка тем временем стала проявлять нетерпение, и он осмелился. Осторожно приподнял плотную домотканую юбку, взглянул на ее лодыжки...

— О небо, — бормотал он, — мне сейчас совсем не до осознания греха и совершенно наплевать на гнев Божий.

Кошунство. Однако то, что он видел в ту минуту, казалось самым великолепным зрелищем на свете.

Юхан Габриэль был кумиром Сёльве. Но он не знал, как далеко зашли отношения Юхана с Анной Кинваль. Подозревал, что они так и остались целомудренными, но не был в этом до конца уверен. А если все-таки отношения друга и его возлюбленной перешли на чувственный уровень, то инициатива наверняка исходила от Анны, ведь она старше и опытнее. Сёльве хотел, чтобы у него все было так же, как у Юхана Габриэля. И позволил себе поверить, что Анна Кинваль все же совратила друга. Сёльве знал, что они время от времени встречались. У реки, где никто не увидит. В парке. В лесу. Сёльве предпочел закрыть глаза на то, что благородный Юхан Габриэль никогда бы не покусился на женскую честь. Во время свиданий с Анной Кинваль, которые были, конечно же, просто прогулками, он читал возлюбленной возвышенные стихи, поклонялся ей как Мадонне.

Но когда Стина задрала юбку, Сёльве захотелось поверить, что его друг уже прошел весь

этот путь с Анной и ничто не мешает ему сделать то же самое!

Его рука осторожно приподняла юбку еще выше. У Стины были красивые ноги, полные и упругие. От его прикосновения по ее коже побежали мурашки. Сёльве обхватил ее колено, и она задрожала всем телом. Это было чудесно.

Стина молча сидела на краю кровати. Ее дыхание было прерывистым, она улыбалась.

— Молодой господин хочет попробовать взрослой жизни? — наконец прошептала она, когда он дерзко обхватил рукой ее бедро.

Сёльве не смог связно ответить. Сердце билось где-то в горле, голова кружилась. Тело болело и дрожало, он взмок от волнения, но было слишком темно, чтобы что-то разглядеть. А вот Стина уже занималась таким раньше. И этот юноша, у которого молоко на губах не обсохло, слишком долго собирался, пора было что-то предпринять. Она и не поняла, что на нее напало, почему она явилась в его спальню! Сёльве Линд из Людей Льда принадлежал к одной из самых уважаемых семей в имении. Не такой знатной, как Оксеншперны, но тем не менее Линды из Людей Льда занимали особое положение. Говорили, что отец Даниэля, помимо того что служил адъютантом Йорана Оксеншперны, был еще и ученым. И его жена вела себя очень достойно!

Но в тот момент ни их, ни сестры молодого человека, Ингелы, не было дома. Возможно,

именно поэтому Стина и осмелилась прийти в комнату Сёльве.

Но нет, что за чушь! Зачем ей этот щенок? Она может заполучить любого взрослого мужчину, какого пожелает! Но сейчас хотела именно его — забавно время от времени пробовать молодой член.

Но как же он неловок. Придется ему помочь.

Без особой суеты она задрала юбки до самой талии. На ней не было нижнего белья, ведь на улице стояло жаркое лето. Бедный мальчик — как он задыхался. Хоть бы в обморок не упал.

И Сёльве не упал. Но кровь пульсировала в его губах и бурлила во всем теле, а глаза светились, когда он смотрел на темный треугольник перед собой. Он даже не понял, как схватил это чудесное место с такой силой, что девица рассердилась. Но только на секунду. Сёльве очень смутился, услышав ее шепот:

— Не так быстро, малыш. Сначала раздень меня...

Он очнулся от оцепенения и уставился на нее, лежавшую так, словно ее бросили на кровать.

— Да, да, конечно, — пробормотал он, запинаясь.

Взяв себя в руки, Сёльве сумел сосредоточиться на развязывании блузки, но снова впал в транс от открывшейся ему красоты. Бедный Сёльве — едва он потянулся к тому, что открылось, как его настиг бурный финал!

Как неловко! Что она скажет?

— Ну-ну, это не катастрофа, — промурлыкала девица. — Просто сними эти липкие штаны и позволь Стине вернуть нашего друга к жизни!

Она играла, ласкала, сидела на нем, позволяла прикасаться к себе, а потом Сёльве оказался там, где надеялся оказаться. И вот свершилось: он стал взрослым, побывал в объятиях женщины! Но, что самое важное, ей, судя по всему, тоже понравилось, потому что она извивалась, стонала и прижималась к нему. Все было просто божественно, и ему хотелось, чтобы это никогда не кончалось!

Стина приветливо улыбнулась и пообещала прийти еще, когда он пожелает.

Он мечтательно смотрел на ее пухлое, простоватое лицо. Но мечтательность эта была вызвана не влюбленностью, а главным образом гордостью. Ему все удалось. Он стал взрослым, доказал свою мужественность.

Да, он, разумеется, снова позовет ее при случае, если никто не узнает. Но она определенно не его идеал! Сёльве чувствовал, что теперь к его услугам весь мир, что любая будет принадлежать ему, стоит только захотеть. Вот какую небывалую уверенность он почувствовал. Безумно радуясь, он притянул ее к себе и стал дико, безудержно тискать.

Стина же решила, что мальчишка безумно в нее влюбился, и рассмеялась, как опытная жен-

щина, каковой она и была. Ей понравились энергия и рвение этого малыша!

И безусловно, молодой господин Сёльве был очень красив. Карие, почти черные глаза, пышные ресницы — ей самой хотелось бы иметь такие. Копна темно-каштановых кудрей, падавших на лоб, и жадный до жизни рот. В этом мальчике было что-то прямолинейное и беспечное! Сейчас он смущен и инфантилен, но, повзрослев, станет по-настоящему опасным! Она подумала, что он способен стать кем угодно. Первой увидела в его глазах выражение авантюрного безрассудства. Оно стало различимым только сейчас, в момент триумфа.

Как безумный он вскочил с кровати и сделал сальто! Что было смешно, ведь на нем не было никакой одежды! Стина захохотала. Затем Сёльве снова бросился на нее, стал в исступлении целовать и обнимать. Но ей вдруг показалось, что в этой страсти нет ничего личного. Что на ее месте мог быть кто угодно. Другая девушка, наверное, сочла бы это унижительным, но Стина была не из тех, кто обижается на подобные вещи. Ей есть из кого выбирать!

«Ну ты и дурачок, — улыбнувшись, подумала она. — Спасибо за развлечение».

Она ушла. Сёльве в оцепенении лежал в постели. Мечтательное состояние длилось довольно долго, но, когда оно отступило, он крепко задумался...